

Е. КУЗНЕЦОВ

ГЕНЕРАТОР СОЗНАНИЯ

ЧЕРНАЯ КОМЕДИЯ

Евгений Кузнецов

Генератор сознания

«Автор»

2026

Кузнецов Е.

Генератор сознания / Е. Кузнецов — «Автор», 2026

На заре бурного развития цифровых технологий талантливый программист ставит перед собой амбициозную задачу наделения искусственного интеллекта сознанием. В результате полного неожиданностей эксперимента он приходит к пугающему открытию... («Генератор сознания» - адаптированная повесть на основе одноименного оригинального киносценария).

© Кузнецов Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Генератор сознания

Глава

Глава 1. Злополучная встреча

Банкетный зал ресторана являл своей обстановкой шик и убогость первых перестроечных годов. Приглушенное освещение отчасти смягчало шокирующее великолепие. Звучала инструментальная музыка, слышался гул голосов и звон посуды, раздавались восклицания и взрывы смеха. В просторном зале было многолюдно. Нарядно одетые гости и участники международной научной конференции «Прикладная математика и цифровые технологии» веселились за накрытыми столами, свободно передвигались по залу от группы к группе, танцевали у эстрады, разбившись на пары.

Неподалеку от бара за одним из столиков сидели двое молодых мужчин. Ими были коллеги-программисты Андроник Тщеславский, худощавый брюнет с мрачным выражением лица, и Соломон Кодер, тучный, розовощекий блондин с лицом довольного ребенка. Длинные, засаженные волосы Тщеславского свисали на глаза, отросшая щетина была небрежно выбрита лишь на щеках и шее, образуя бородку-эспаньолку, а в мочке правого уха поблескивала серьга-кольцо. Он был одет в черную кожаную куртку с блестящими заклепками и потертые джинсы с прорезами на коленях. Нарочито вызывающий облик Тщеславского явно не соответствовал дресс-коду торжественного мероприятия. Кодер же был одет и выглядел как самый обыкновенный американец. Эти двое были как будто из разных миров, и лишь одно обстоятельство роднило их этим вечером – оба были пьяны. В знак согласия и взаимопонимания перед ними стояла бутылка коньяка, две рюмки и блюдо с мясной нарезкой.

Все время, что шло застолье, Тщеславский, неприязненно сощурившись и выпятив нижнюю губу, следил за одной из пар у бара. Ими были Эдуард Карчетов, располневший коротышка, франтовато одетый в малиновый пиджак и черные брюки, и Татьяна Дерюгина, породная блондинка с высоко начесанной челкой. Обоим было около тридцати. На стойке перед ними стояла бутылка шампанского, из которой Карчетов то и дело подливал себе и Дерюгиной в высокие хрустальные бокалы игристое вино. Оба выпивали и непринужденно беседовали, как хорошие знакомые, не замечая устремленного на них затуманенного, тяжелого взгляда Тщеславского.

– А он стал сибаритом, этот Карчетов, – завистливо произнес Тщеславский. – Пьет не водку, даже не коньяк, а шампа-а-анское... – Он толкнул локтем Кодера. – Ты погляди-погляди, не просто пьет, а хлещет его!

– Это есть психологический механизм, проекшн, – рассудительно, с характерным западным акцентом ответил тот нетрезвым голосом. – Просто ему кажется, что, по мере наполнения свой желудок изысканный напиток, он и сам становится весомый, значимый, благородный... – Прищулив один глаз и фокусируясь другим на бутылке, Кодер со второй попытки поймал ее за горлышко и разлил коньяк по рюмкам, украсив белоснежную скатерть красивыми разводами. – Лук эт хим, раздулся от важность, как нафаршированный бобами рождественский индейка, – продолжал он, после чего рассмеялся и поднял рюмку. – Ну, давай, Адрик, за мой премия! Как у вас говорят, дай бог не последний!

– Угу... – промычал Тщеславский, не отрывая взгляда от бара. – А сам даже диссертацию не смог написать и купил ее у крохобора Кривцова.

Кодер выпил, скривился и передернул плечами:

– Рилли? То-то я вижу, как будто и тема его сегодняшний доклад списан с реферат какой-нибудь малограмотный студент из... как это говорить по-русски... а, из Хацапетовка! – Смеясь, он наполнил свою рюмку и поднял ее. – Андрик, ты совсем не пьешь. Давай за мой премия!

– Угу... – промычал Тщеславский, вновь игнорируя слова товарища и продолжая неотрывно смотреть в сторону бара. – Дерюгина тоже хороша. Не успела зачислиться на кафедру инфомаркетинга простым доцентом, как уже метит в доктора. Лучше бы посмотрела в зеркало на свой узкий лобик, лимита понаехавшая...

– Уот из вис лимита? – удивился Кодер.

Тщеславский, наконец, отвернулся от бара и поймал на себе вопросительный взгляд товарища:

– Разве ты не знал? Она из Подмосковья... Я-то сам с Остоженки. Просто временно перебрался в студенческое общежитие... А, короче, долго объяснять... – Он поднял рюмку. – Ну ладно, Сол, за твою премию...

Они чокнулись. Тщеславский отпил глоток, поморщился, отставил рюмку и взял в руки бутылку.

Кодер, выпив одним махом, передернул плечами и вытянул шею в сторону бара, заинтересованно разглядывая Дерюгину:

– Татьяна Дерюгина из-под московья? Вэа ис ит? Уот ис вэт?

Тщеславский, скривившись, продолжал внимательно разглядывать бутылочную этикетку.

– То же мне ресторан называется, европейский сервис... – ворчливо бурчал он под нос. – Европейский сервис, а синьку паленую подсунули. Оставляет горечь на губах, горечь во рту, горечь на душе...

Кодер согласно кивнул, икнул и уронил голову на грудь.

Тщеславский косо посмотрел на него и тронул за плечо, привлекая внимание:

– Да нет, Сол, горько мне вовсе не от выпивки. И уж тем более не от несправедливости – всем известно, что честным трудом в нашем университете не добиться признания, почета, славы – сейчас речь не об этом. Я вообще не помышляю ни о каких наградах – хрен бы с ними! – я с головой погружен в науку... – Он по-дружески положил руку Кодеру на плечо. – Ю андестенд ми, Сол?

Тот согласно кивнул и, икнув, сказал:

– Йес...

– Ты понимаешь, – продолжал Тщеславский, – вся беда в том, что мое грандиозное исследование, на которое потрачены почти все мани, походу, никогда не принесет положительного результата. Пока экспериментально не будет воссоздано сознание, машинная имитация человеческого разума будет лишь простым гаджетом... – Он встряхнул за плечо засыпающего Кодера. – Донт слип, Сол!

Тот покачал головой и, безостановочно икая, ответил:

– Ноу, ноу, ноу... Ай донт слип, Андрик, ай донт слип...

– Сол, ну посуди сам, – не унимался Тщеславский. – Носителем сознания служит нейронная структура головного мозга. Так? Так. Архитектура сознания предстает в виде семантических цепочек и кодов – битов информации. Так? Так. Электрические импульсы, обеспечивающие передачу информации, суть химический процесс. Так? Так. Все это мне удалось воссоздать на базе суперсовременного персонального компьютера...

Кодер, понимая, что кивая, все больше клевал носом, засыпая.

Тщеславский резко встряхнул его и грубо произнес:

– Вейкап энд файт, Сол!

Кодер испуганно встрепенулся.

– Щет... То есть клево... Только больше не трясись... Меня что-то мутит... – ответил он, икая через каждое слово, после чего безвольно уронил голову и с гулким стуком ударился лбом о стол.

Тщеславский склонился над ним и занудно продолжал:

– Йес, ю райт, Сол, безусловно, это уже настоящий прорыв в сфере информационных технологий. Но все же это не принесет мне премии Тьюринга. – Изменившись в лице, он неожиданно ударил кулаком по столу. – Черт, да сдались мне все эти премии вместе взятые!

Карчетов, услышав грохот и громкий возглас, обернулся, и его заплывшие пороссячи глазки округлились, а пухлые губы сложились в букву «о».

– О, Тщеславский?! – воскликнул он. – Ты тоже был на конференции? Прости, не заметил.

Тщеславский неприязненно покосился на Карчетова:

– Я был в университете. Работал. А на банкет заглянул по пути домой. И то лишь затем, чтобы поздравить своего американского коллегу Соломона Кодера.

– По пути домой на другой конец города? – удивился Карчетов. – Конечно, на халяву можно...

– Дружба превыше любых расстояний... – возразил Тщеславский, повернулся к заснувшему на столе Кодеру и стал бесцеремонно расталкивать его, заставляя сесть прямо. – Каммон, Сол, донт слип... Сейчас закажем еще выпивки... Дринк, Сол, дринк... Потом по девочкам... Рашен герлс...

Кодер поднял голову, и из его горла вырвался булькающий звук. Раздувая щеки и зажимая рот рукой, он вскочил со стула и убежал куда-то за бар.

Глядя ему вслед, Тщеславский, разочарованно покачал головой:

– Тупые американцы...

– Поскромничал, Тщеславский, – не скрывая иронии, продолжал Карчетов. – Мог бы потрясти научное сообщество своим «Диджитал майнд бейсд он писи». Мы с Танюхой... – Он мельком глянул на свою спутницу и быстро исправился: – С Татьяной Васильевной ознакомились с твоей публикацией в альманахе. Весьма, весьма впечатляет. Прямо фантастика. Научная фантастика! – Не сдержавшись, он рассмеялся. – Смеялись всю ночь!

На угловатых скулах Тщеславского выступили бугорки, а нижняя губа еще больше выпятилась наружу.

– Вы правы, Эдуард Аркадьевич, – подчеркнуто деликатно и сухо ответил он, – я поступил опрометчиво, опубликовав свое революционное исследование без должной экспериментальной базы. О чем теперь премного сожалею.

– Ну-ну, Тщеславский, не огорчайся, – покровительственным тоном ответил Карчетов. – Не каждый день свершаются великие открытия. Всему свое время.

– Это верно, – согласился Тщеславский. – Куда чаще звучат доклады на тему методологии открытий.

– Тоже верно, – вынужден был согласиться и Карчетов. – Но ведь ученому надо на что-то жить.

– Ученый призван жить ради науки, – на грани вежливости парировал Тщеславский, – а не за счет нее.

– Похвально, Тщеславский, что ты горишь наукой, – не замедлил с колкостью и Карчетов. – Поверь, я искренне желаю тебе успехов. Пусть не в этой жизни, так в загробной, – он расхохотался, держась за содрогающийся живот.

Тщеславский резко поднялся на ноги, отчего стул, на котором он сидел, с грохотом опрокинулся на пол.

– Ничтожество! Дегенерат! Недоумок... – задохнувшись от гнева, он замолчал на полуслове, играя желваками на угловатых скулах и метая молнии из глаз.

Хоть низкорослый и щедедушный Тщеславский и не производил впечатления сильного человека, однако Карчетов и Дерюгина боязливо притихли, справедливо полагая, что от таких нервных хлюпиков может исходить не меньшая опасность. Возникла пауза.

Злое выражение лица Тщеславского вдруг сделалось добродушным.

– А знаешь, Эдик, это очень хорошо, что мы с тобой так славно поболтали по душам... И вообще, следовало бы почаще встречаться в неформальной обстановке... – Тщеславский отвесил вежливый полупоклон Карчетову, а следом – Дерюгиной. – Татьяна Васильевна, был несказанно рад нашей теплой встрече. – Он непринужденно взял со стола недопитую бутылку коньяка и засунул в карман джинсов. На его лице сияла воодушевленная улыбка. – А что, это дельная мысль, – вполголоса произнес.

Пританцовывая под звучащую музыку и оказывая знаки внимания встречным женщинам, Тщеславский пошел лавировать между столиками через многолюдный банкетный зал, направляясь к стеклянному выходу. Поистине жизнь ученого подобна аттракциону «Американские горки»! Какое же это необыкновенно захватывающее чувство – испытать воодушевление на грани отчаяния!

Карчетов и Дерюгина многозначительно переглянулись.

– Мне не по себе от него... – заключила Дерюгина, неприязненно скривив губы, и поежилась.

– Не обращай внимания, он и во время учебы был таким... – ответил Карчетов и покрутил пальцем у виска, – одержимым. – Он повеселел. – Еще шампанского? Или потанцуем?

Дерюгина неопределенно пожала плечами, и Карчетов пощелкал в воздухе пальцами, жестом подзывая бармена.

В ресторане еще продолжался банкет, а Тщеславский уже трясся в вагоне метро. Он сидел с бутылкой коньяка в руке, прихваченной с фуршета, а рядом с ним сидел бомж. Тщеславский всю дорогу оживленно что-то втолковывал бомжу, но шум подземки заглушал его голос. Несмотря на это бомж согласно кивал и даже поддакивал Тщеславскому, хотя по его лицу было понятно, что ему глубоко наплевать на все, кроме бутылки, на которую он неотрывно смотрел и вздыхал. Пассажиров в вагоне метро было много, но все держались в стороне от странной парочки и смотрели на Тщеславского с бомжом с нескрываемым осуждением.

Поезд начал снижать скорость, и шум подземки заметно стих. Голос диктора объявил: «Станция "Партизанская"».

– ...Нет, ну ты только вдумайся, – стал различим голос Тщеславского, обращенный к бомжу, – я создал искусственный интеллект на базе компьютера, обучаю его посредством машинного кода и после этого жду от него человечности... Ну не тупой ли я...

«Осторожно, двери закрываются. Следующая станция "Измайловская"», – сообщил голос диктора.

– Парадоксальные эмоции часто свойственны людям образованным... по себе знаю, я тоже технарь... – рассудительно ответил бомж и прибавил: – Не угостишь коньячком, а?

– ...Нет, нет, я самый настоящий тормоз... – продолжал Тщеславский, пропустив мимо ушей слова бомжа. – Понимаешь, чтобы сделать искусственный интеллект хоть чуточку человечным, надо хотя бы говорить с ним как с обычным человеком, то есть вербальным языком. Вот как сейчас с тобой... – Он положил руку бомжу на плечо. – В конце концов, чем ты лучше искусственного интеллекта... или дегенерат Карчетов, с которым я вынужден говорить на равных...

Вагон вынырнул из тоннеля на поверхность и теперь несся сквозь темный лесопарк. Тщеславский задумчиво уставился в окно и сделал глоток из бутылки. Облившись, он утер капли с подбородка. Бомж тяжело вздохнул, глядя на него разочарованными глазами. Поезд стал замедлять ход.

«Станция "Измайловская"», – объявил диктор.

Тщеславский поднялся с сиденья и дружески хлопнул бомжа по плечу:

– Ну ладно, дружище, давай. Мне выходить. Рад был поболтать...

Тщеславский вышел из вагона и торопливо пошел по малолюдному станционному залу.

Глава 2. Тщеславский разговаривает с компьютером

Комната студенческого общежития имела крайне запущенный, даже отталкивающий вид, а обстановка была по-спартански убогой. Разложенный диван был застелен измятым, давно нестиранным постельным бельем. За диваном высилась на длинных ножках устаревшая радиолка. Над открытым окном колыхалась на сквозняке посеревшая от пыли капроновая занавеска, едва удерживаясь на покосившемся карнизе на двух-трех кольцах. На холодильнике, что привалился к стене за дверью, стояла электроплитка, вся в пригоревших корках и жирных пятнах. И повсюду пол был усеян картонными коробочками от гамбургеров, бумажными стаканами из-под газировки и блестящими обертками черт знает из-под чего.

Лишь дальний угол комнаты выглядел более-менее обжитым и уютным. Там располагался письменный стол, с придвинутым к нему массивным мягким креслом. Столешница утопала под исписанными от руки листами бумаги, книгами, журналами, лазерными дисками и дискетами. В центре же стола мерцал в темноте компьютерный монитор. В паре с монитором громоздился системный блок. Рядом со столом располагался стеллаж, полки которого заполняла разнообразная электронная аппаратура.

Тщеславский вошел в темную комнату и ногой захлопнул за собой дверь. Звенящая тишина подействовала на него раздражающе. Не зажигая верхний свет, он включил радиолу. Из колонок грянула русская народная частушечная музыка.

– Сколько по морю не плавал – моря дна не доставал, – во весь голос загорланил Тщеславский. – Сколько в девок ни влюблялся – все по Таньке тосковал...

Пританцовывая, он подошел к столу и плюхнулся в кресло. Достал из кармана изрядно опустевшую бутылку, отыскал под ворохом бумаг мутный граненый стакан, посмотрел его на просвет, понюхал и подул в него, после чего вылил в стакан остатки коньяка, а бутылку убрал под стол.

Тщеславский звонко чокнулся с монитором:

– Ну, за тебя, Андрик! Все-таки ты гений!

Отпив глоток, он склонился к компьютеру и с головой погрузился в работу, бегло отстукивая по клавиатуре и кликая мышкой в такт музыки.

Сигналы завершения радиотрансляции отвлекли Тщеславского от работы. «В Москве три часа ночи, – объявил диктор. – Наша радиостанция завершает свое вещание». С окончанием вещания комнату окутала тишина, даже вой сирен больше не доносился с улицы.

Тщеславский оторвал напряженный взгляд от монитора, на котором было открыто окно программы с множеством регулировочных элементов, выпил остатки коньяка, утер с подбородка капли и вернулся к проверке настроек.

– Так, декодирующий софт установлен... Синтезатор речи настроен... Микрофон подключен... Аудиосигнал поступает... Ну, была не была! – Он склонился к микрофону и произнес первое, что пришло ему в голову: – Раз, два, три, даю пробу. Костя, как слышно? Три, два, один. Прием?

Тщеславский склонился ухом к компьютерным колонкам и затаил дыхание, напряженно вслушиваясь в слабое шипение.

Вдруг из динамиков отчетливо раздался электронно-синтезированный, монотонный голос:

– Профессор, конечно, лопух, но аппаратура при нем, при нем. Как слышно? Как слышно меня? – Голос был бездушным, однако он дал вполне осмысленный ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.